

Военные страницы «МП»

ОСЕННИЙ ДНЕВНИК

Московские артисты, как и все люди нашей страны, с первых дней войны включились в борьбу с ненавистным врагом. Многие были призваны в ряды действующей армии, сражались с винтовкой в руках, многие, мобилизованные на рытье окопов и оборонных укреплений в районах Москвы и Московской области, так и не вернулись с работ, расстрелянные фашистскими летчиками с брющего полета.

А значительная часть артистов оставалась на своих постах: в театрах, филармониях, цирках, на радио, продолжая, несмотря на бомбежки, голод, холод, воевать средствами искусства.

Каждый день, а то и несколько раз в день, мы выступали в частях, подразделениях, на эвакуационных пунктах, вокзалах, на перегруппировках, в красных уголках домоуправлений, возле эшелонов, в вагонах приехавших воинов сибиряков или дальневосточников. Мы жили среди военных, переезжая с одного концерта на другой. Часто, за неимением транспорта, вышагивали километры по Москве. Местом сбора была Московская филармония, которая в те дни вела напряженную, ответственную работу по обслуживанию армии. Когда бомбежка заставляла нас, ожидающих следующего наряда на концерт, в филармонию, мы, молодые, смелые, не теряли время даром: взбирались на крышу зала имени П. И. Чайковского и там, спасая здание от пожара, гасили зажигательные бомбы.

Народный артист СССР Иван Семенович Козловский в те дни жил в гостинице «Националь». Гостиница была для него не только жилищем, но и местом, где собирались его коллеги и откуда фронтовые бригады выезжали на концерты в воинские части. Принимали участие в таких концертах и наши старейшие в то время, прославленные балерины Большого театра Екатерина Гельцер и Викторина Кригер. Почастливилось и мне выступать с ними вместе, петь с Козловским. Иван Семенович не щадил себя, пел много, с воодушевлением.

Помню, ехали на концерт в Тулу под бомбежкой. Вдруг кто-то высказал мысль: «Не вернуться ли?». Козловский строго посмотрел на говорившего и твердо произнес: «Нас там ждут».

В октябре — ноябре 1941 года группа московских артистов выехала на Брянский фронт.

Была осень, начались заморозки. Выступать приходилось в любых условиях. В танковой дивизии выступали в лесу на поляне, на двух составленных вместе грузовых машинах. Концертов было много. Нас перебрасывали из одного подразделения в другое, а иногда на довольно далекие расстояния приходилось идти пешком по бездорожью, грязи, под дождем в концертных туалетах, которые мы часто не снимали с утра и до вечера. Выступали в уцелевших сараях, в избах, прямо на площадях районных центров и сел. Концерты часто объявлялись внезапно для только что вернувшихся с поля боя и так же внезапно прекращались, когда наших зрителей — воинов срочно вызывали по команде.

Наша группа, за исключением одного-двух человек, состояла из молодежи, только что окончившей учебные заведения. Жили мы солдатской жизнью. Получали солдатские пайки, спали в блиндажах, сараях, укрывались шинелями, если таковые были, так как ночью бывало холодно.

Дома у всех нас оставались

семьи, но ни у кого не возникала мысль отказаться от выезда на фронт, где мы были подвержены немалой опасности. Фронт есть фронт. Противник был совсем рядом. Стрельба не прекращалась сутками. С самолетов враг бомбил близлежащие села и города. Мы укрывались в бомбоубежищах, но как только наступало затишье, приводили себя в порядок, расправляли свои концертные наряды и ждали распоряжения начать концерт. Были у нас и маленькие радости вроде мытья в натопленной русской баньке, которые нарушались налетами фашистов, привлеченных появлением над этим «объектом» веселенького дымка.

Однажды ранним пасмурным утром (это было в Карачеве), где мы наконец разместились в теплой, уютной гостинице, нам объявили, что нужно срочно готовиться к выезду. Военные ходили мрачные, сосредоточенные и, как нам показалось, обеспокоенные.

По шоссе в сторону Брянска двигалась наша армия на машинах и пешая. Рядом — отступающее местное население на машинах, пешком. Людей было видно-невидимо. Тащили, везли, волокли домашний скот, тянули за собой привязанных к тачкам и телегам коров, коз, овец, собак. В ящиках томились куры, гуси, кролики, поросята. Плакали дети, плакали и мы, взрослые. Все шоссе, сплошь, от края и до края, было забито движущимися людьми. К Брянску подъехали — светило солнце, но была страшная бомбежка. На наших глазах от бомбы, брошенной фашистами с самолета у железнодорожных путей, рухнул элеватор. Все было окутано дымом, пылью, гарью. Мы, чудом оставшиеся в живых, двигались вперед. Но вот, проезжая брянский лес, наша грузовая машина застряла в грязи. Мы отстали от отступающих. Враг был рядом. Надо было спешить. Все мы, мужчины и женщины, надрались, вытаскивая ее. Сопровождающий нас комиссар товарищ Золотухин сломал себе ключицу, пытаясь поднять кузов плечом. Наконец общими усилиями машину вытащили, двинулись к Орлу. Орел еще беспощаднее бомбили. Город, покрытый тьмой и гарью пожарниц, в яркий солнечный день смотрел на нас мрачными, черными коридорами улиц, по которым бегали люди, спасаясь от обстрелов под стенами домов, в арках и подворьях. Но наш дорогой комиссар Золотухин, несмотря на эту ужасающую обстановку и опасность, не терял ни на минуту присутствия духа, подмигивал нам, подшучивал, стараясь поднять настроение, и даже ухитрился заскочить в какую-то подворотню, где, как оказалось, ему нужно было забрать свои часы из почки. Едва мы успели переехать через мост, как он рухнул позади нас от взрыва бомбы. Теперь мы медленно продвигались в сторону Мценска. Количество людей увеличивалось. Фашистские самолеты, заходя вперед, обстреливали нас с брющего полета. Люди выскакивали из машин, с телег, хватали кричащих детей и укрывались в кюветах по обочинам шоссе, полных воды и осенней грязи.

Мценск был полон идущих, едущих, уставших, голодных, измученных людей. Дети спали на земле рядом с сидящими тут же родителями. Рвались бомбы. Когда мы вышли из Мценска, уже темнело. Фашисты на брющем полете расстреливали все, что двигалось по шоссе.

Ночью добрались до Серпухова. Его тоже бомбили. И только под утро, подъезжая к Москве, мы ощутили тишину и покой. Страшную военную тишину, которую нарушали только патрульные, проверяющие пропуска.

...В филиале Большого театра шли спектакли для воинов. Мне посчастливилось выступать с выдающимися нашими певцами в шефских спектаклях «Риголетто» Дж. Верди, где я пела партию Джильды, и «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова, где я исполняла партию Марфы. И. С. Козловский к тому времени эвакуировался с Большим театром в Куйбышев, и моими партнерами по концертам стали Лидия Русланова, танцор Большого театра Сергей Корень, Тамара Ткаченко, конференсье — Н. Смирнов-Сокольский и А. Алексеев, артисты Театра оперетты — К. Новикова, В. Володин, С. Анисимов, Г. Ярон, Е. Лебедева, солист радио В. Нецаев, Ирма Яунзем, пианисты М. Сахаров, С. Стучевский.

Часто в воинские части выезжал оркестр народных инструментов под руководством Николая Петровича Осипова (известного виртуоза на балалайке). Я пела и с этим оркестром. Концерты пользовались у воинов громадным успехом.

В помещении Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева во время войны был расположен госпиталь. В нем в разных палатах, но в одно время лежали наши прославленные полководцы К. К. Рокоссовский и А. И. Еременко. Мне выпала большая честь петь для них. Из филармонии привезли небольшой клавесин. Солдаты внесли его в палату к маршалу Рокоссовскому. На кровати лежал большой, необыкновенно красивый человек, с приветливой улыбкой на бледном лице. Когда начался концерт, лицо раненого стало очень серьезным, что заставило нас внутренне еще больше собраться. На русской народной песне «Тонкая рябина», такой простой и душевной, спетой мной очень тихо, пианиссимо, Рокоссовский порозовел, и я, смущенная, заметила, что глаза его наполнились слезами. А маршал Еременко попросил спеть ему украинскую песню, и я с радостью спела «Гандзю» — веселую, задорную, чем вызвала у раненого хорошее настроение.

Предложили эвакуироваться и мне с маленькой дочкой Иринкой. Сложив мелкие пожитки в узелок, посадив своего ребенка в коляску, я своим ходом, так как не ходил городской транспорт, направилась из района Рижского вокзала к Казанскому, с которого отходил на Свердловск эшелон. Вокзальная площадь была забита людьми, пожитками, всякой утварью. Прилагая нечеловеческие усилия, я пробилась через толщу человеческих тел, чемоданов, узлов, ящиков, повозок, детских колясок и очутилась на платформе. Желаящих уехать были тысячи. Стоял страшный шум, крик. Люди искали друг друга. Провожачие и отъезжающие плакали, прощаясь. Сестра с ребенком, вещами, коляской я не смогла, поезд тронулся. Оставшись в Москве, я снова включилась в концертную деятельность — опять начала петь для воинов действующей армии, раненых, труженников города.

А. ВЫСПРЕВА,
заслуженная артистка РСФСР,
педагог ГИТИСа.